

ФИЛОСОФСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ТРАЕКТОРИЙ МЫСЛИ

В. А. Костенич (Могилев, Беларусь)

Мировоззренческие замыкания философского и религиозного дискурсов имеют многовековую традицию. В наш секулярный век (общее) принято считать, что философское сознание представляет собой специализированное интеллектуальное усилие по рациональной ассимиляции религиозных сюжетов и проблем в тематическое поле экзистенциальных поисков смысложизненных констант. Религиозные же матрицы миропонимания, за пределами собственно «религиозных эпох и направлений Мысли», рассматриваются в лучшем случае, в качестве иллюстративного субстрата для тех или иных ораторских практик. Их драматический духовный пафос, глубинные смысловые экзальтации, нетривиальные треволения мысли тлеют угасшим пламенем «случайных примеров» и иррациональных «ad hoc гипотез».

Между тем, сама религиозная фактура мыследеятельности, состоящая в сквозной **интенции «трансцендирования» к Абсолютным основаниям Бытия и Смысла** (одним из манифестаций которых выступает «Бог»), свидетельствует о том, что религиозное сознание **«метафилософично»** в своих исходных и итоговых экспликациях векторов человеческого самоопределения. Библейское **«Я есть Истина, Путь и Жизнь»** представляет собой не только и не столько «историческую реплику Богочеловека», сколько фундаментальное мировоззренческое переформатирование прежней традиционной «философии Истины», обретшей размерность человеческого выбора своего Предназначения перед лицом Абсолютной Ответственности за собственную Правду в Бытии.

Как это не покажется парадоксальным, но «трансцендирующее в запредельность» мировоззренческой догматики религиозно аранжированное сознание изначально и (по-философски) **«еретично!»** Борясь с ересями конфессионального и сектантского инакомыслия, оно, тем не менее, антиномично их предполагает и даже, по-своему, культивирует! Ереси представляют собой «граничные» сомнения религиозной Мысли; позволяют оттачивать догматические верификации базовых Смыслов; репрезентируют потребность человеческого Разума герменевтически самоопределяться в контексте интеллектуальных искушений Иного и «конфликтах интерпретаций».

При всех своих спекулятивных издержках, схоластический «культ Слова», бывший меркантилизм античной софистики концептуальными упражнениями с онтологическими ресурсами языка, мировоззренчески возвысил «практики словопроения» до уровня философского священнодействия. С этого момента, философия обрела характер **«сакральной литургической коммуникации»**, в контексте которой прагматика «языковых игр», с их проповеднической ангажированностью идеологического миссионерства, вступила в оппозицию с **«исповедальностью человеческого духа»**, взыскующего «откровений» вселенского Смысла.

Как ни странно, но не религиозное сознание, а скорее философская рефлексия оказывается сегодня «превращённой формой» артикуляции бюрократических реви-

зий процесса образования, загоняется в интеллектуальное гетто факультативных «версий Разума». Безусловно, философское образование не может быть подчинено религиозным ценностям, вновь оказаться в роли «служанки богословия», конъюнктурно сменить одну идеологическую атрибуцию на другую. Но и отказаться от «миссионерских порывов» экзистенциального преображения человеческой духовности, от изложения «модельных парадигм», задающих смысложизненный репертуар человеческого присутствия в собственном существовании, она тоже не может и не должна.

В этой связи «фаворский свет» религиозных «житий Мысли» и драматических философов праведного религиозного подвижничества, задают философскому образованию (вечные) перспективы и артефакты «должного бытия» и выстраданных духовных изумлений. По нашему мнению, философия в качестве «события Мысли» возможна лишь при условии её квазирелигиозной взволнованности в экспонировании смысложизненных проблем и их сакральной тревожности для обыденного сознания.

Особый философский интерес представляют **религиозные дихотомии трансцендентного и имманентного**. Религиозное «таинство причастия», в его философской редакции поисков (абсолютного) Смысла, выводит человеческую мысль на осознание того, что «Бог Смысла» находится не во внешнем пространстве социально сакрализованных традиций и стереотипов мышления, а нуждается в духовном освоении внутренними усилиями нашей интеллектуальной самобытности. «Абсолютное» населяет нашу собственную имманентность, из которой мы и должны его «философски» породить, в каждом акте смыслового самообретения.

Как и в таинстве причастия (к Богу), **в процессе философствования осуществляется абсолютная (героическая) интенция к имманентному трансцендированию в потенциальную бесконечность софийной мудрости бытия**, где человеческому Разуму предстоит борьба с тревожным хаосом своих ментальных «видимостей» и сблазнов интеллектуальных капитуляций перед лицом «Горгоны танталовых мук» абсурдности повседневно существования.

К числу тестовых (мировоззренческих) испытаний на (божественную) «осмысленность» (сотворенного) бытия можно также отнести и (философские, по своей конечной сути) **контroversы греха и искупления, веры и знания, с их эсхатологическими рефренами ада и рая**.

Уже сама религиозная драма «грехопадения» обладает очевидным и инвариантным философским потенциалом. Дело в том, что (в религиозном сознании) понятие «греха» тематизируется не только в сюжетных сценариях «первородного греха» и номенклатурного перечня диверсифицированных «злодеяний», но и в (философской) инстанции «промаха мимо цели», где этой вожденной «целью» религиозного существования, выступает понимание судьбоносной участи, как реализации человеком изначального («божьего») Замысла о его персональном предназначении. Верующий человек «знает» о себе, как о «замысле божьем», но ему «не дано знать» (вплоть до Страшного суда) **какова философия данного замысла**, что «конкретно» он обязан свершать своим свободным существованием во исполнение своей бытийной миссии.

Драматизм религиозной веры бесконечно фрустрирован двумя «смущающими» обстоятельствами, во многом синхронными философским смятениям предельного смыслополагания.

Во-первых, это многочисленные культурно-исторические близнецы «Иов-ситуаций», свидетельствующие о том, что «вера» во всеблагого Творца, не может быть разновидностью паскалевской «веры на всякий случай», детерминированной прагматизмом бартерных операций между Богом и «благополучием» всех тех, кто «рассчитывает» на его «благодарность» в ответ на их молитвенные славословия.

Ветхозаветная «вера Иова» философична в своих экстраординарных проявлениях. Она предполагает (человеческое) право на экзистенциальный вопль и (философский) диалог с Творцом (читай, Абсолютным Смыслом), который передоверяет одно из своих «творений» в прокрустово ложе (сатанинских) розыгрышей «печалей и забот», кажущихся несправедливыми и иррациональными. Но ведь философия, как раз и ответственна, в посюстороннем мире, за духовное преодоление «иррациональности обыденности».

Во-вторых, посредством философской рефлексии, может быть глобально, лейтмотивно и полифонично осмыслена **религиозная «катастрофа ада»**, как архетипический мировоззренческий нарратив, повествующий о «белых пятнах» божественного искупления и «черных дырах» человеческого «бытия к смерти». Возможен ли Смысл, искупающий Всё и Всех? Смысл, побеждающий «ад», во всех его онтологических обличьях? Именно посредством философии **«теодицея» трансформируется в «антроподицею»!** Бердяевское «оправдание Творчеством» ошеломительно вторгается в пертурбации повседневного бытия, предполагая его философское сопровождение религиозных прозрений «Смыслов жития», эстетических «возможных миров» и этических подвигов ответственной самобытности.

Современная культура утратила вкус к Слову, к его онтологическому дегустированию, а «философская речь» в наших вузах редуцировалась к дидактическим наставлениям и историко-философскому пересказу. Порою кажется, что в процессе преподавания философии на авансцену гротескно выдвигается прозаическая ретрансляция биографических дат и хрестоматийных цитат, составляющих в своей совокупности гремучую смесь латентного дезавуирования философских «Голгоф смыслополагания». Мысль буксует в препонах «профанного слова», десакрализованного атеизмом равнодушия к человеческому духу, к его экзистенциальным запросам, нуждающимся в «профетической дидактике» раскрепощенного авторства.

Религиозное «Верую, чтобы понимать!» обретает философский параллелизм бытийного воззвания «Понимать, чтобы верить!». Верить в собственную не случайность и духовную глубину!

Философствование же всегда оказывается пассионарной актуализацией «теофаней Смысла», божественных своей имманентной трансцендирующей человеко-размерностью.